

18+

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

ТАЯНЬЕ ТАЙНЫ

Вячеслав Киктенко

Таянье Тайны

«Издательские решения»

Киктенко В. В.

Таянье Тайны / В. В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516934-1

Книга из пяти глав, связанных общим ощущением — ускользанием, таяньем Тайны мира, заключенной в изначальном Слове, а ныне, на наших глазах словно бы уходящей в Цифру.

ISBN 978-5-00-516934-1

© Киктенко В. В.
© Издательские решения

Содержание

Вячеслав Киктенко -----	6

Таянье Тайны	
2. Сказка об Эфире	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Таянье Тайны

Вячеслав Вячеславович Киктенко

© Вячеслав Вячеславович Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-6934-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко — — — — —

— — — — —

— — — — — Таянье Тайны

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Тени, отброшенные от огня
 2. Сказка об Эфире
 3. Дерево-камень. Стихии
 4. Чёрный коньяк
 5. Сказанье о Храме
-

1. Тени, отброшенные от огня

Стародавним летом в маленьком азиатском городке, в платном парке «для благородных» ещё мальчишкой, накануне Революции, отец увидел на спинке садовой скамейки надпись, поразившую его и запомнившуюся на всю жизнь:

«Все мушкетеры обманщики и шипчики».

Надпись была выполнена кокетливым, явно женским почерком, тонким мелочком. А прямо под ней другая, грубо резанная ножом:

«Ишь, какая хризантема!»

Почему отец любил рассказывать про это давнее событие и так по-детски смеяться всякий раз? Почему лицо его светилось при этом каким-то «неотсудным» светом?..

Сейчас так не улыбаются, не смеются, не светятся...

Кажется, понимаю – те слова на садовой скамейке несли в себе отсвет затонувшего мира, Атлантиды его детства, запахи и цвета невозвратного времени...

Нынче так не напишут. Сквернословие заполонило скамейки, подъезды, дома. Знак времени. Как и те слова – тоже знак своего времени – на той узорной скамейке, в дореволюционном парке, в отцовом детстве.

Отец часто снится, изматывает душу – да как же я, дурень, мог поверить, что он умер! Вот же, вот же он! Погрузнел только. И с каждым разом будто стареет... или прозрачневет. Почти не говорит, но всё понятно.

Вот, наверно, входит в настоящую, промысленную форму, в суть, в отрешённость. А всё такой же добрый и умный, как бывало... нет, ещё лучше! Может быть, потому, что свой огненный кирпичик уже вложил в основание?

Снится отец... снился. Когда?

*Давненько во сне я не видел отца,
Не пёк пирогов, не варил холодца...*

*И бабушка тоже не снилась давно,
В своём уголке не клонилась темно...
И мать не является...
Видно, живу
Уж так хорошо, словно все наяву...*

Нет, снится! Было время – сочное, злое, перенасыщенное семенем, плодородием, коварствами, хищью, страстями, женщинами... – вот тогда и не снился. Было время. Горная река грохотала, билась меж скал, неистовствовала, швыряла пену на мокрые берега, грохотала во всё ущелье...

Страх, с детства поселившийся в душе, постепенно и неотвратно перебирается в плоть. Ни сила, ни страсть, ни въедливое проникновение в узлы первопричин – ничто не преодолевает этого страха, боязни. Теперь догадываюсь: боязни *ошибиться*.

Странно. И здесь виною – душа. Это она проникла в скудельный сосуд и ужаснулась неполноте, одиночеству, скудости огненного, размываемого век за веком чем-то поганым – золотого кирпичика. Чаще всего – мутью. Именуемой по обыкновению возвышенно – время, рок, провидение...

Душа видит мрак, тесноту, скулит и ноет от неслиянности половин, упоённых Битвой, слепнувших на резком свете. Клянёт невежество, тьму. Высокопарная...

Ей ненавистно уютное благополучие одиночеств, окукливание плоти, не возносимой к свету. Душа взывает тиранически — «Ищи, ищи, ищи! Ищи себя, свою, только свою половину...»

Задыхается от нетерпения, жадности, и – электризует плоть. А слепенькое сердце тычется, точно щенок, во всё теплое, мягкое, пахнущее. Оно, маленькое, боится. И – ухает во всю грудную клетку, впадает в отчаянье. В муть, туман, непониманье...

*Туманный знак. Залог свидания.
Туман и тина в озере.
И отражение – столь давнее,
Что только дымка на лице.*

*Неотвратимость ожидания
Чего-то главного в конце.*

*Какой-то значимости веянье...
Но почему, но почему,
Откуда это самомнение,
И кем обещано? Кому?*

*Бенгальского, конечно, хочется,
Громокипящего конца!
А если это всё окончится
Лишь тем, что не окончицца?*

*Ни смерти, ни конца, ни вечности,
А только наслоенье той,*

*Густой, как тина, бесконечности,
Вокруг себя перевитой.*

Туманный знак...

А жизнь, несмотря ни на какие туманности, всё равно брала своё, входила в русло. Наливалась до полноты движенья, покоя. Наполнялась, расширяла спокойные берега. А когда налилась до полна, приоткрылась туманная даль.

И – снова снится отец. Наяву снится! И такие странные вещи говорит, настолько простые и мудрые, сразу не понять, не разобрать о чём он так просто говорит, даже не глядя порой на меня, а делая попутно свои несуетные дела:

раскладывает книги и рукописи по столу, аккуратно складывает чистый носовой платок и кладёт его в правый карман пиджака – всё того же, памятного в последние годы, пристёгивает к связке домовых ключей знакомый до мельчайшей царапинки многолетний ключ от лабораторного сейфа, собирает спички, почему-то раскиданные по столу, аккуратно складывает их в коробок, и говорит – негромко, просто, само, казалось бы, собою разумеющееся вещи, слова.

Но вот что дивно – дни, недели, месяцы надобны, чтобы осознать их, эти самые простые вещи, чтобы проявились они, как на фотоплёнке – сперва на негативе, а ещё, чуть позднее, на позитиве.

Явь, сон, правь, искусство, жизнь... как это всё расплетёшь, развяжешь по узелкам, разложишь по полочкам? Тем более, когда всё очевиднее сама жизнь подражает искусству, а не наоборот. И так же привирает. Из всех законов творчества всё более озвучивается самый крайний, а именно: «Не соврешь – не расскажешь». Или – «В портрете должна быть волшебная ошибка».

Да, так. А без «волшебной ошибки» просто фотография, никакое не искусство. Да и не жизнь. Художественное воображение, творческая фантазия волшебным образом вынимают из мутных зарослей тёмное ядро жизни, а потом проявляют его на свету. Осветляют. И это самый прозрачный закон жизни, может быть, самый главный – творческое усилие, преобразование темноты. Без этого никаких узелков не развяжешь, сути не разберёшь. Читай – правды. И самая полная правда – художественная.

Сны, прообразы творчества... привиральные. Но и под спудом вранья-привирания – правда. Подлинная правда. Тоже не сразу разглядишь, не сейчас поймёшь о чём это было, что говорилось, деялось, мнилось?..

Сны, туманы, праобразы... чего? Всё чаще, пробуждаясь тревожно, вскрикиваю, ещё не очнувшись вполне – ага!, так вот, значит, куда манило, манит всю жизнь? В обитель, которую не нашёл на земле. А вот, всё ищу, ищу. Тайна с годами рассеивается, тает. А как без Тайны жить? Разве что памятью. Память свежее жизни. А ещё – воображение...

Воображение – воплощаемо. *Воображаемое* мощнее *Случившегося*. Мощней твоего общения, быта, дома, крова. Вот только разум и ещё что-то говорило: не твой дом, не твоё это. Ищи свою, только свою кровлю, ничего больше! Воображай, вспоминай...

Грусть прошла, – я вспомнил отца! Однажды, в солнечной яви мне вспомнился из детства забытый прииск золотодобытчиков.

Отец тогда взял меня в поездку с крупной гидрологической партией, и в одну из остановок на долгом пути я увидел как намывают золото. Более всего поразили слова отца о том, что основные золотые запасы страны состояются именно из песчинок. Крупицы переплавляются в слитки-кирпичики и хранятся где-то в тайниках государства. А крупные самородки – большая редкость. Это давало надежду. Отец опять помог...

...скруплы сна. Огненные крупницы. Колошенья зарниц. Колоски сполохов.
Суслоны света. Светозерно...

Таёт на свете всё. Тают тени, таёт огонь, а с ним тайна. Таёт огонь тайны, и не только он, огонь таимого. Очень долгое таянье. Таянье всего...

Вот и выходит, что жизнь, или очень большая её часть ничто иное, как —
Таянье Тайны...

...и была ночь, и был сон о Красоте. Красота – невыразимая какая-то. Красота возникает из уродства, из кривой чьей-то шеи, из кошмарного черепа... возникает в движении к чему-то. Но к чему? В какой-то момент она вдруг становится неопишимо прекрасной – до боли, до вздрога во сне...

А ведь это о Страхе! Сон о Страхе. Страх – с большой буквы.

Страх в предчувствии настоящего? Или, напротив, прошлого? Липкий страх бредовых, длинных ночей, помрачающих то лучшее, к чему тянулся.

Страх последующей грязи, не осознаваемый, но предчувствуемый. Боязнь оскорбить себя. Страх в предчувствии того, что останется от всей этой «грязи» лишь слабенький привкус путаной сласти, да ещё, пожалуй, жирный осадок горечи от недоовощений. От сияний, помрачаемых временем.

Мозг... гигантская голограмма? Или малоуправляемый суперкомпьютер, в котором никто не способен толком разобраться? Да и как понять его, находящегося под костяным шлемом... может быть даже, под шлемом космонавта? Если череп, это и впрямь – шлем космонавта? На какую кнопку тыкать, в какой момент? Гипофиз, гипоталамус, эпифиз, сознание, подсознание, серое вещество... наверное, и белое водится, и чёрное. Почему нет?

На земле в этой клавиатуре никто не может разобраться. Но ведь мозг живёт, действует, работает, и порою очень толково. Но не сам же по себе действует! Сказки про самозаровившуюся и самоуправляющуюся вселенную давно прокисли, безнадежно устарели. Сознание и подсознание, а даже и глубинное бессознательное всё явственнее подсказывают – где-то должен быть центр управления, просто обязан! Но где, в каких туманностях, в каком времени или безвременье, называемом вечностью? Время исчисляется на земле, и опять же, весьма условно обозначено. Названо, обозвано так.

Но даже в полуфимических этих условностях безусловная данность, жизнь, а с нею осознаваемый тобой этот мир куда-то канет. Останется – память. Пусть даже на облаке. Память о страхе, горечи, жажде. И только там, в памяти, станет всё это иным, отстоявшимся и отлившимся уже в настоящих очертаниях и формах, а не только в полупрозрачных, зыблемых страстями силуэтах. Они и на облаке не исчезнут.

Но если когда-то виделись в болезненном, лихорадочном состоянии *переживания, пережывания* ситуаций, и не столько психикой, разумом, сердцем, сколько жадностью, жирностью, плотью, то память опрозрачивает их. Отформовывает, выстраивает.

Память свежее жизни.

Вспомнилась детская коллекция камней, намытых из увитого травой изумительного арыка, светло и весело, с радостным даже подхохатыванием и подскакиванием на земляных бугорках бежавшего сверху, с вершин ледниковых гор через весь город, в самые его низы, а потом выбегавшего в бескрайнюю степь и там умолкавшего, уходящего в знойную, растрескавшуюся от солнца глинозёмную почву, выпивающую его без остатка.

А по самому городу он ещё звонко журчал по песочку, по разноцветным, то матовым, то искристым галечкам. Отчётливо помню, как они светились, эти волшебные камушки, переливаясь в воде, как тускнели потом, вынутые из воды, подсыхали на солнце, покрывались грустными трещинами...

Грусть прошла. Я вспомнил отца.

И вспомнилось оттуда, из потемневших уже глубин, подёрнутых мягкой тафтой сумерек, как она зачаровывала, предвечерняя тишина детства! Как рассказывали, рассевшись гурьбой на кирпичиках вокруг тёплой дворовой трубы, уходящей из недр кочегарки в небо, как травили, а то и зловеще понизив голос выпевали друг другу страшные сказки, жуткие истории! Считалось, а даже и выходило на деле – кто страшнее зайдёт, тот и главный, тот в авторитете.

Как они завораживали и мучили, страшные детские игры! Жмурки, прятки, кондалы... другие, полузабытые, а то и вовсе забытые. Древние жестокие игры. В их подоснове – дегенерировавшие заклинания, ритуалы, бывшие когда-то обычаями и верованиями взрослых, а со временем отошедшие к детям.

Овечьи ужасы детской, скукоженной, запуганной всеми страхами мира души... они не замирают до конца. Проступают с годами из баснословного былого, навсегда угнездившегося в сердце, так и не осознанного, не осветлённого разумом. Не обезвреженного светом...

Или сила ужаса шла изначально, и осталась навеки, как незапамятные мамкины песни, страшные песни на ночь? Чем сильнее напугаешь, тем скорее заснёт «проклятушее» дитя...

На пальцах,
Вперевалочку,
Костяшками,
Суставами
Стучит,
Идёт рогатая
Коза,
Играет медными
Глазами —
С баламугами,
С малыми ребятами
Играет —
И глядит...
И боязно, а верится...
(Пути земли немеряны,
Отцами поутеряно,
А у детей – в руках!)
Волчок – косою и серенький,
Сорока – вороватая,
Коза – ну, та рогатая,
Та – страсть! – о двух рогах,

К воротцам притулится, и
Зовёт детей, копытцем им
(Костлявым, как сучком, —
Мол, никому!) загадочно так
Делает, покачивает,
И блеет дурачкам
Про мамку с молочком,
Щекочет их и бьёт по щекам.

(Бородка – недожёвана,
Глаза – смеются! – жёлтые —
Молочным кулачкам...)
Щекочет их и бьёт по щекам.
...а всё-таки мамкой бывала она.
Менялась, а всё оставалась одна,
По-волчьи говорила,
По-птичьи целовала,
Давала молока и пшена...
А кашку варила,
А хлеб воровала,
И пахла – как пахнет над домом луна...

А след под луной у окна,
А тени следов при луне,
(Рожок и еще рожок),

**А борода не стене,
(Шажок и ещё шажок —
В смятении, в полусне...)
Сон.
Уплывают тени.
Пальцы на простыне...**

...бежевые слоны шуршали в жёлтых листьях. В крохотных, почти игрушечных чашах. Было страшно, что они их разрушат, словно кукольные домики, эти осенние хрупкие чаши. Но нет, – шуршали, сквозили, как тени в детстве, отброшенные от огня.

Тени «страшного» прошлого – детства, запуганного няньками, бабками, мамками... Там всюду речь о здешнем и загробном мирах, не всегда ясно прочитываемая. Но сама жестокость, непререкаемость ритуальных законов и действий говорит за себя. Там ломают и поворачивают внутрь глазницы, дабы увидеть прямогладевшему иной, оборотный мир. Там растут под деревом груди с молоком. Там гадают на печени. Там рёбра открывают, как люк. Там человек ничего особенного не стоит, как не стоит почти ничего медицинский подопытный, вынутый откуда-то из мертвецкой...

Игры магические и потому, наверно, жестокие. Тут не забава, но речь о пересотворении человека, то есть, в некотором роде, о хирургической операции, а не просто детских развлечениях. Зёрна с жуковинами ужаса, разворачивающиеся в земле, пружины, распрямляющиеся во всю последующую жизнь.

Они раскручиваются во всю свою скрытую мощь, а потом – бьют, бьют, бьют... бьют беспощадно, нередко в спину уходящему, решившему выйти из Игры.

И крошится, крошится, крошится золотой кирпичик, крупичами уходя в Океан...

Каждый «звероящер» моего поколения в «новой реальности» помнит те детские подлюсти в играх: чуть дал слабину, попросил пощады, ушёл, ретировался – в спину полетели камни. Хорошо, когда небольшие...

*В нежной виноградине сидят чёрные зерна.
Итак,
Очень чёрные, тихие зерна.
А потом?
А потом из прозрачной осенней кроны вылетают гроздьё ворон...
Ну, кого тут судить?
Размышляя и вглядываясь упорно,
Я размыслил, потом разглядел
Хорошо подслащённый изъян и урон. —
А не больно ли жаляща здесь
(Точно соты в огне)
Безобидная сладость, обольстительность мира?*

*А не шибко ли сыт и медов независимый высвист пустот,
Чтоб не ахнуть – а мы тут при чём?
Может быть, мы отозваны с пира
(Стой, кто там!), и затеяна с нами игра
(Руки вверх!), чтоб отвлечь нас, дурных,
(Кто идёт?!.)*

Кто идёт, тот идёт.

*Я не знаю, не знаю... я только смотрю в сердцевину,
В огнеплод – сквозь завой жуковинок зернистых,
Чернеющих на серебре,
В полунаклоны причин, виновато свивающихся,
Скрадывающихся в пружину,
И удары их в спину – вразброс —
Как щебёнкой в подлючей игре.*

Слепые, но уже подлые котята, дети, изначально несущие в сердце Битву, бьющиеся с самого детства за всё – за ведёрко в песочнице, за девочку в классе, за хорошее место на кладбище. А не про них ли слова в Писании: «...и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мк. 13:12)?

Или это уже про других, новых, всплывающих в океан виртуала, легко удаляющих старые страницы, обновляющих и обновляющихся, списывающих «старьё в архив»?

А что? Родители-черепа, зачем? Сделали дело – в архив. И убивать не надо, просто списать в архив, как удалить в резервацию. Нежно удалить, отодвинуть подальше, что в сущности и значит умертвить. Но – гуманно, чисто, безболно.

А потом дети этих детей, в свою очередь, спишут в архив и этих детей, своих родителей. А за ними внуки удалят детей. Умертвят устаревших, подросших. Обновят страницу. А может быть, просто отправят в прошлое? На какой-нибудь машине времени, к тому времени созданной. А что? Цифра дружит с фантастикой, и уже не сказку, а фантастику сделает былью. Что поделаешь, Слово уступает Цифре. Зрение слепоте....

Бельма океанской пены... слепые океанские мороки...

Эти мороки посильнее земных. Океан обвивает сушу, как змеи Лаокоона. А потом струит зелёные мороки на слабую земную поверхность. И земля нежно принимает эту блажь, эту влагу. Влага земле благодать. Ещё бы! – водовороты страстей, белокипящая пена! Вода всё покроем, примет в себя. А концы, как водится, в воду. Земля хорошо принимает. Лишь обнажась и отнежась, отпустит волну, Лаокоонову ласку. Благодаря сытым вздохом, отпустит. Земля не очень страшна...

Но там, в земли земной, – колдовство, оборотничество, темь. Много чего этакое, кривова того, неловкого, свилеватого. Только вот, искривление силовых полей перекивило и человека. В сплетениях силовых полей затерялись, перепутались пути-перепутья. Расплелись, завертелись дурными ходами...

Мороки... земные мороки...

Хоть и послабей океанских, а пошатывают. Много чего расшатали. Обратни в массе людской проявляются густо, а не ухватишь за фалды. Очень уж сложный порой совьётся. А если попроче...

Например, большевики. Эти почти ничего не скрывали: действовали по железным законам, ясно декларировали цели, задачи. Ясность-то и подвела. Они себя – обнаружили. И проиграли довольно-таки скоро.

Поздние обратни темнят, и потому страшно. Такое оборотничество избудется нескоро. Они гладкие, как яйцо, не ухватишь. Добрые, говорят правильно. Только людям почему-то всё хуже и хуже. А правят именно они, обратни.

У японцев есть притча о страннике, которому на горной дороге повстречались разбойники. Он взмолился – пощадите, люди добрые! Они засмеялись: это мы-то добрые? И провели ладонями по своим лицам, которые тут же стали гладкими, как яйцо – без глаз, без ушей, без носа и рта...

Странник, закричав в ужасе – «Демоны, демоны!..», кинулся бежать.

Ему удалось оторваться. Скатившись по горной круче, он побежал в поле, наугад, в полной тьме... и вдруг, наконец, во тьме блеснул огонёк.

Он подошёл ближе, и понял, что спасён: у реки разводили костёр добрые люди, рыбаки. Они накормили, успокоили странника, и он рассказал с какими оборотнями повстречался на горной дороге. Кто-то из рыбаков переспросил странника: а как они такое сделали с собой? Странник повторил жест. Тогда один из рыбаков переспросил: вот так? – и провёл ладонью по лицу. Лицо стало гладкое, как яйцо...

Что стало с тем странником? Не хочется вспоминать.

Вспомнить бы древнее магическое слово, настоящее слово! Там, по преданиям, кроется волшебная сила, сметающая всяческую нечисть. Только где оно, о Слово – в древних заговорах, оберегах? «Предрассудок, он обломок древней правды...»...

Нет, не избыть воспоминаний. Например, как не обернуться на неотступные шаги по пятам? Обернуться, встретиться с оборотнем, колдуном, нечистью. Оно, это ОНО может идти и навстречу, но пустые глаза, чаще всего разномастные, сквозящие нездешним холодом, скажут за себя. Видимого вреда, может быть, не причинят, но будь готов. К чему? Да ко всему на свете. Во-первых, к сражению с неизвестным, не поддающимся принятым законам. Ускользающим от любых знакомых способов и приёмов противодействиям, и потому особенно страшных. Опасных.

Древние носили с собою чеснок. При встрече с оборотнем просто показывали чесночную головку, а если не было под рукой, кричали трижды в рожу колдуна: «Чеснок! Чеснок! Чеснок!», и показывали дулю. Дуля по сути – чеснок. Или хрен.

Нечисть отступала.

...а он идёт за мной по пятам

И слышит всё, что я говорю,

Но мне нельзя обернуться, там

Уходит в зданье косая тень.

Но мне нельзя испугаться – он

Отпрянет в плащ и убавит шаг.

Нельзя никак подойти к нему —

Напустит дым, затаится в тень.

*Нельзя и мыслью пеленговать,
Волну подловит, упрячет в ночь.
Нельзя ни с кем говорить, нельзя
Ни на кого обращать, кто вслед
Идёт зачем-то, нивесть куда,
Но за тобой, всегда за тобой...
Ты знаешь всё, ты во сне потом
Толкуешь сам с собой, а потом
Сам за собой идёшь по пятам,
Бредёшь, гадаешь – вон там?.. Вон там?..
Вон в том подвале?.. А может, в том
Развале, мусоре, бардаке,
В глухом проулке, где дом, где дым...*

Оборотень – явление иных измерений. Что его вытолкнуло в наш мир, не вполне ясно. Потому тревожно. Безнадёгой припахивает: «игра» на чужом поле, по незнакомым законам. Тут если не изымут золотой слиток, крупинки-то отщипнут, отщипнут. Или неведомым вороном выключут. Итог «отщипываний» – системный сбой.

Компьютерный, человеческий...

Целенеправильное полноулие неверворона

Да вот, хотя бы, чем не сбой? Сижу во дворе, курю, никого не трогаю, смотрю на игры визжащих детей, ни на секунду не выпускающих из рук айфоны, и думаю – а это люди? Это такие же люди, как мы?..

И вдруг одна из визжащих девчонок-подростков подлетает и нагло так, по-свойски, начинает допрос, в полнейшей уверенности правомочности дознания:

– «Дядя, а сколько тебе лет?»

Понимая, что от зарвавшихся, не вполне сознающих себя тварек можно ожидать чего угодно, любой провокации, намеренно медленно и спокойно отвечаю:

– «Знаешь, девонька, я так давно живу на земле, что ещё помню людей...»

Заморгала, захлопала густокрашеными ресницами. Ага, для начала сбил спесь. Хорошо. Древний человек, однако. Ещё человек...

– «А кто же мы тогда?» – в изумлении отступает девчонка.

– «Кто вы такие?.. А – мухи! Попавшие в паутину и жужжащие, барахтающиеся там мухи. Не пугайся, девонька, вас ещё только обволакивают в кокон, Если не замечаете, нежитесь покуда. Вы ещё не встретились с Главным Пауком, хозяином сети. Ведь если свита паутина, должен быть и тот, кто свил её, так?»

– «Та-ак... наверно...» – ещё больше растеряна девица. Хорошо. Спесь растаяла.

– «А если так, почему вы, ещё не видевшие его, уверены что ваши айфоны и гаджеты, втянувшие во всемирную паутину, самое ценное в жизни? Что это ценнее дружбы, родителей, всего? За новый айфон, признайся, ты же готова при случае подставить товарища. Ничего личного, только «для пользы». А потом и Родину предать, как говорили прежде. Или просто обокрасть кого-то. Маму, дядю, папу. Айфон с интернетом дороже, это безвредно и круто. Более того, это высшее!»

Поймёте позже, что Пауку нужны не столько вы, юная кровь, молодые тела, из которых только бы и сосать кровушку-свежачок, сколько ваши бессмертные души. Он их высосет, и они утратят бессмертие... не думала о таком раскладе?»

– «Не-е...» – она уже всерьёз напугана дремучим дядей и тихо отступает от меня, всё дальше, дальше, поближе к жужжащему молодняку, резвящемуся на «пауке» спортплощадки. Паук куполообразен, сплетён из железных труб, на которых они все там ловко кувыркаются, подтягиваются. И – одновременно – переговариваются, даже переругиваются по своим айфонам. Нарочито грязно, неумело ругаются. Сквернословят. И очень гордятся этим «искусством», чего не скрывают. По айфонам ругаются, хотя находятся совсем рядышком. Айфон единокровен. А умение сквернословить, особенно у девочек-мокрохвосточек, в большой цене.

Одна из стайки девчонок, в ходе разговора незаметно прилепившихся к первой, самой бойкой, похвасталась – они все с детсада матерятся. Я устало поправил:

– «Да не материтесь вы... сквернословите. Точнее – пустословите, не имея понятия о мате. Ни черта не знаете о настоящем матерном, материнском языке».

Мокрохвостка изумилась:

– «А какая разница?»

Пришлось прочесть краткую лекцию, объяснить разницу между матом и сквернословием.

– «Матерным, материнским языком наши предки лечили болезни. Только предки, в отличие от нас, хорошо знали, в какую фазу луны нужно лечить ту или иную хворь, когда кружить на лесной полянке посолонь, когда обратно, в каком порядке повторять драгоценные слова. Слова плодородия, силы. Это же энергетически самые сильные слова в русском языке! А вы ими бездарно сорите, сквернословите. И – накликаете на себя неудачи. Вот ты, например... знаешь, что сказала ты сейчас своей подружке?

– Да ничо не сказала, просто: «Ни х... себе! Вот и всё»

– Нет, девонька, ты совершила сейчас страшный ритуал, произнесла самое поганое магическое заклинание – пожелала себе безмужней жизни, бездетной старости.

Сегодняшний мат – в основном язык войны, трудной ситуации. Грузовик из грязи, например, мужикам не вытащить без мощной энергетики древности, без материнского слова. Ну, и для анекдотов осталось кое-что... в общем, не сберегли мы язык великих предков. Покалечили только. Встарь перегнули палку попы да начальники, а нам осталось в основном сквернословие. Чем гордишься, что сквернословью научена?..»

«Моя» девочка забирается на вершину паучьего купола, и только взобравшись туда, безопасно уже для себя кричит весело-злое:

– «На дворе 21-й век, дядя! Ты понял? Ты дурак, дядя! Двадцать первый-ый!...»

– «Жаль, что не 12-й» – отругиваюсь безнадежно. Так, для проформы.

И вспоминаю стихи «Предок на завалинке»:

*Он думает о юности, быть может,
А может, вспоминает неолит.
Огнями трубки темноту тревожит,
И тишину усами шевелит...*

«Темна вода во облацех...».

На земле темнее. На земной воде ворожат, волнуют марь колдовства. А колдуны кто? А – повара, заваривающие революции. Вмешиваются во все бурные дела. Случись заварушка, бунт,

драчка (в пивной, в борделе) – колдуны тут. Или так себе, шишиморы. Вроде убогонькие с виду, не шибко страшненькие, но подбрасывающие хворосту в костерок. И – огонёк разгорается, перерастает в Огонь...

Ленин очень сильный колдун. Сильнее даже Троцкого. Сильнее Сталина. Тот смотрел на Ленина, точно кролик на удава, беспрекословно исполнял все его заветы, даже сомнительные. Что спустя столетье обидно.

План устройства СССР по экономическим зонам, а не по нацреспубликам, предложенный Сталиным, был дальновиднее. Но Ленин сказал «НЕТ», и Сталин съёжился. И за 30 лет полновластного правления не посмел переделать по-своему. А то, глядишь, жили б и ныне в единой стране. Сильный колдун Ленин. Очень сильный. Впрочем, «Темна вода...»

*«...устав от молений, глумлений,
Сложив свои кости в карман,
Восстав с богатырских коленей,
Рассеяв быллинный туман,
Амур Енисеевич Ленин
Уходит в глухой океан.
...ни Надин, ни Ленин, весь...»*

Колдуют на земле многие, особенно бабы и революционеры. А если не они, так учёные. Тут всё зависит от диапазона стихии. Буря, огонь, град, ливень – вот среда. Или природная лаборатория для «учёных». Их стихия.

Подкормка же классических колдунов, упырей, вурдалаков – чаще в ином. В кишениях злób, в нечистотах народных. Незаметно, тоненькой выюжкой завиваются колдуны и колдунчики в бурные дела, непостижимым образом становятся «своими». Возглавляют бунты, революции, перевороты. – **«Кровушки надоть!»**.

Другими словами – энергетики. В том числе страсти, эроса, умопомраченья. Голой, неведомой силищи...

Овечьи ужасы детской души, скукоженной, запуганной всеми страхами мира, всю поганью взрослой, эти тьмы неистребимо проступают из прошлого, с давнего-предавнего сна. Со дна. Из баснословного былого. Это былое, гнездящееся в душе, так и не осознано, не осветлено разумом. Не обезврежено светом.

Страшно огню. Страшна тьма. Но не так, как простым смертным. Простые смиряются с тьмой, чередуя дни, ночи. Будет тьма. Будет свет. Тьма. Свет. Тьма. Снова...

Огонь – карбонарий. Не смиряется с тьмой! И хотя сам по сути не что иное, как искаленный свет, бунтует. Всегда шипит и бунтует...

*Огонь, огонь, исчадьё ада, света
Больной извив, излом, огонь – ведь это
Болезненный, несовершенный свет,
Как жар любви на уровне соблазна,*

*Невопрошённый, замкнутый, как плазма,
Как обращённый внутрь себя ответ...*

Страх плоти визгливей души. У души и страха-то, кажется, нет, чует: бессмертна. Олимпийка! А плоть побаивается, смертна, дурочка, смертна...

Даже в перспективе круговорота?

Какой, на фиг, круговорот, какая «Божественная энергия»? Страх острей. Душа – постоянный ток. Плоть – переменный, порывистый. Прерывистый.

Мир, где не будет тёмных обрывов тайн, возможно и лучший – открытый настезь, простодушный, доверчивый. Как немногие из лучших сейчас. Но как без тайны?

Многие живут иначе. Власть. Война. Доминирование. Битва. Победа. Любой ценой. Даже ценой золота. Ничо, всё переплавится. Ничо, ничо...

Но – Победа. Любой ценой. Зверство – вот счастье!

Ничо, ничо...

– «*А я тебя – навизжу!...*»

По глубинной, трудно осознаваемой, едва мерцающей яви скользит, иногда вспыхивает запредельное, выбившееся из земного круга. Что-то такое, где можно увидеть не только жизнь – пред-жизнь.

А за ней, следовательно, и за-жизнь? Но тогда неизбежно сосёт, подсасывает сердце вопрос – а победители здесь, на земле – кто? Как кто? – вскрик сгоряча – кто как не мы? А за вскриком оглушённая тишь. И смутная поначалу догадка – а мы разве не, прорвались в мир ценой гибели миллионов? Тех, безвестных, но ведь таких же, как мы! Бывших такими же, как мы, но теперь уже, поле нашей Победы, совершенно безвестных. Бесцветных. Безвидных. Не прорвавшихся к зачатию. И кто же такие эти мы, прорвавшиеся, состоявшиеся? Поначалу в чреве, внутри, после вовне?

А – убийцы.

Преувеличенные сперматозоиды, в недрах сладких и сумрачных недр убившие тьмы таких же сперматозоидов. Таких же точно, как мы, но не столь борзых, а потому, наверное, и не прорвавшихся к матке. А затем не преувеличенных во времени, как в линзе. Да и как им было преувеличиться, если изначально не оплодотворены яйцеклеткой, не выпущены в мир? Но ведь они, безвестные миллионы, такие же, как и мы!

Кто же они были по изначальному замыслу, несостоявшиеся мы – запасные игроки? Просто томящиеся игроки на запасной скамейке? Хорошо бы, когда так.

А может быть, попросту списанные в бескрайний морг вселенной? Безвестные проигравшие, нивесть кому и почему продувшие. **Не победители.** Растаявшие, утратившие Тайну. Даже ещё не ощутившие её, не успевшие ощутить.

Но ведь и там, в хтонически знойном мраке предсоития была – Битва. Только вот кто в ней был прав – мы, Победители, или они, тьмы Побеждённых?

А – человеки. Все. Но – Гимн Победителю! Или, или... или всё-таки...

*«Я – Победитель.
Я зверь. Вандал.»*

*Мглы праобитель
Я прободал.
В огне соитья
Не погрешил,
Рвануться, выйти
На свет решил!
Пусть кто-то первый,
Напряжи кровь,
К истере – спермой
Рванётся вновь
На штурм, сквозь нервы,
Сквозь лютый страх...
Кто будет первый,
Тот будет прав.
Сквозь праобитель —
Один, сюда!..
«Ты – Победитель» —
Скажу тогда»*

Гимн. Осуждать энергичного человека, рвущегося к власти, стремящегося быть первым, всё равно что осуждать энергичный сперматозоид, рвущийся к матке, стремящийся оплодотворить яйцеклетку первым. Или наоборот, осуждать энергичный сперматозоид, всё равно что судить энергичного карьериста, человека рвущегося вверх. Осуждать за естественный и, следовательно, абсолютно природный порыв? За стремление к влаге, к эпицентру, к матке?..

И всё же, всё же, всё же, пусть даже в тысячный раз: кто в корне, по решительному счёту прав – Победители? Или всё-таки Побеждённые, которых, как ни крути, в отличие от нас, единичных особей-победителей, тьмы. При каждом выбросе спермы – миллионы сперматозоидов, и почти все – побеждённые. Проигравшие. Убитые. Тьмы и тьмы...

Кто они? А – человеки. Все. И *до того*, и *после*. И победившие, и проигравшие.. Чело-веки, человечцы... теряющие, утрачивающие во времени главное, **Тайну**. А кто таковы, как звать? Без Тайны – никто. Подлинная жизнь в Тайне, с Тайной, внутри Тайны. Обочь – бессмыслица. Пустота. Только где она теперь, Тайна? Была ведь, когда-то была. Прячется... спря-талась, растворилась, заховалась...

Близнецы в утробе:

– Как думаешь, там, после родов, есть жизнь?..

– Не знаю... оттуда ещё никто не возвращался...

За всё прошедшее, за все неисчислимыя груды врмйн люди не были втянутыми в цифру. Жили Словом, живым, божественным. Пустота вместо тайны – всё, что оставлено. Цифре. Главное составляющее. Замещающее, опрощающее, опрозрачивающее...

А сколько могил напластали, памятников наворотили! И это всё – победителям, одним только победителям. А если б ещё и побеждённым? Представить страшно, места на земле не найти. И вот, неясно уже, кто где? Кто жив, кто нет...

Глянешь порой, видится:

Как люди в белых простынях, ночами бродят памятники. По площадям бродят, по кладбищам бродят, стучаются лбами... мистика? «По переулкам бродит тело...».

Или, как там, в песне, – лето? «По переулкам бродит лето...»?

Не мистика. Перенаселение смерти. Уже потому не мистика, что все живы смертью. Изначально – естественно. Смерть как способ выживания. Жертва. Жратва. Неестественно позже: свежайшее мясо умерших не едят. Почему-то не едят...

Даже собаке не отдают! Лучшему другу человека? Даже человеку не дают. Безоговорочный вердикт: это – никому.

Как это никому? Есть кому! Есть кому есть. Господину Чревоугоднику, главному Гурману земли, господину **Червю**. Глупо?... да так уж вышло. Каннибалы, однако, умнее. В этом ракурсе, пожалуй, даже гуманнее.

Лев Гумилёв рассказывал. Попал с этнографическими целями в племя. Вождь племени закончил в Москве Университет Патриса Лумумбы, по-русски чесал заправски. Устроил праздник белому гостю: костры, пляски, веселящие напитки. Выпить Лев Николаевич был не дурак. Выпил, развязал язык, и хамит Вождю:

«Какие вы ужасные!»

«Почему?»

«Убиваете людей, а потом ещё и съедаете их... ужасные!..»

«А что, разве у вас войн не бывает?»

«Ещё какие! Не то, что у вас!..»

«А что вы делаете с убитыми?»

«В землю закапываем»

Вождь покачал головой, отхлебнул из глиняной чаши веселящего напитка, и грустно-грустно молвил цивилизованному человеку:

«Какие вы ужасные... убиваете людей, а потом ещё и в землю закапываете...»

А вдруг прав именно Вождь? Хоронить надо – **кость**. В Писании ни слова о мясе. А вот сохранить кость, не преломив колено, важно. Даже до чрезвычайности важно. Сохранить **поколение** – главное. Этому, главному, в Писании немало места уделено. Через всю книгу проходит. А что мясо? «**Пакости**». То есть – что сверх кости,

то есть – *паки*. Паки и паки.

...так из первичного цеха выходит голая труба. А уже потом, в следующем цехе её обматывают в мягкий материал, в изоленту, асбестовое покрытие. Обмотка эта поверх трубы – *патрубок*. То есть – паки. То, что сверх голой основы. Несмотря на грубость сравнения, и здесь проступает суть: в самой глубине – кости. **Пакости**, которые находятся поверх костей. «Ливер», мясо. Пакости – снаружи. *Паки*...

В Писании ни слова о каннибализме. Но если отстраниться от общепринятого и, возможно, глупого, то...

Мясо следует – жрать! Родственникам почившего. Может быть, это лучшие поминки, как считали в древности некоторые племена, бактрийцы, масагеты. Это у них была прочней-

шая память об ушедшем. Мол, **Там** – встретимся, потом, чуть погода. Обнимемся, обсудим, поговорим о всяком, бывшем на земле. А мясо-то причём? Неужто господин Червь, Главный Гурман благороднее собаки, человека?

Смертью живы, смертью! Смертью травы, деревьев, скота, друг друга. При чудовищном располнении пропитание всё равно станет главной проблемой, что давно поняли китайцы. У них в дело идёт всё, что содержит белок: черви, змеи, тараканы... а ты, гуманист, чего брезгуешь, морщишься? Шаурмы не кушал, кошатинки-собачатинки-человечинки не пробовал?..

Мало, слишком мало знаем про обычаи древних. А ведь многое могут сказать У массагетов, например, считалось величайшим несчастьем, если смерть родственника или близкого человека произошла по естественным причинам.

Поэтому к тем из них, кто очень состарился, сходились все родственники и убивали его, пока не умудрился упокоиться самостоятельно. А потом поедали вместе со скотом, ему принадлежавшим. И только тогда конец жизни считался счастливым. Во всяком случае, правильным. Безоговорочно считалось, что это гораздо лучше, чем быть съеденными червями. Древность, седая древность...

А бактрийцы, например, выбрасывали тело на съедение собакам и птицам. А потом очищенные от мяса кости погребали в глиняных сосудах – оссуариях. Священными в их верованиях считалось солнце. Поэтому и нельзя оставлять мертвое мясо и кости под солнцем. Мясо подлежало съедению, а кости погребению, подальше от глаз солнца. Священной также считалась земля. Значит, нельзя и её осквернять разлагающимся мясом. Хоронили лишь кость. Умершего от болезни есть опасались, но хоронили кости и горевали, что ему не пришлось быть убитым. Впрочем, это касалось только мужчин. Женщин не ели и не приносили в жертву...

Чрезвычайно занимательные обычаи, поучительные в чём-то. Внимательней присмотреться к укладам и ритуалам разных народов, понимаешь – одна интуиция, пожалуй, ещё наводит на верный, хотя и страшноватый, самый-самый древний следок...

Битва... что Битва? Шла, идёт, длится. Шествует торжественно. И не только на верхних эшелонах, не только в горних. Кровавится-кучерявится на земле. Да и только ли на земле? А в самом низу, в поддонах пред-жизни, **там** – что?

Приблизительная статистика такова, что даже в самых великих исторических битвах погибало не более ста миллионов. А там, в поддоне, в кишашей битве сперматозоидов, при каждом соитии – миллионы погибших. Причём безымянно. Каждый раз миллионы...

И чем искупит сперматозоид-убийца, оплодотворённый яйцеклеткой, эти миллионы? Ничем. Здесь – ничем. Победитель, выходит, страшной полководца, фюрера, тирана?

Нет, не уходит Битва. Никак, никуда! Зато Червь уходит. Неторопливо, солидно уходит – в своё Метро. Уходит, и нажирается там до отвала. А на следующей остановке выползет, непременно выползет. У него там, на кладбище, хорошее Метро. Оно хоть и тёмное, но с разветвлённой системой тоннелей, переходов, выходов.

Вот так выползет иногда под солнышко, оглядится, погрееется в тёплых лучах, а потом учует свежак, и – нырк в Метро, в тоннель кладбища. За свежачком, за новым покойничком, за деликатесом...

Идиотизм цивилизации.

Страх и пустота в каждом. В каждом Победителе, с рождения до гроба страх: вот же он, вот этот Я, который убийца! Я, убийца, убийца я, я-я-я-я-я яубийца!..

И тут же, будто бы сам собою, выплывает из дремучих поддонов неуправляемое: а вообще-то насколько он искупаем, грех *такого*, тотального убийства *пред-жизни*? Кто ответит? Кто не ответит? Здесь – никто.

Необъясним страх, неизъяснима пустота страха. Неизъяснима именно *здесь*, в данном отрезке жизни Объяснится ли *там*? Кто ж скажет такое – *здесь*? Здесь скажут лишь то, что ощутимо и осязаемо. Что в самом деле – есть. И только. Назовут лишь то, что и так слишком знакомо: страх, грех, пустота. А есть ли утешение здесь, в этой пустоте, и скажут ли где оно, если и в самом деле есть, если есть – где? Темь. Немь...

Похоже, ответа и корня в пышном цвете аврамического куста искать не стоит. Мистики маловато. Утешение, пожалуй, буддийская молитва, мольба:

«О, великая Пустота!..».

Только что мы смыслим в буддизме? Ни черта не смыслим. Другие. Но Пустота, заполнившая дух, плоть, там почему-то тает. Хотя чему там, казалось бы, таять? А вот так, тает и всё тут. И не одна уже только Тайна, Пустота тает... таянье Пустоты... Как? Дико, непонятно. Совсем непонятно. Тает, тает, тает. Не объясняет ничего.

Просто: таянье, таянье, таянье...

Девочка в автобусе, 3—4 годика, в милой косыночке, на руках у матери играет кисточкой от пальто, смеётся, что-то своё щебечет...

И вдруг дикая мысль: а ведь и она повзрослеет, и она станет матерью, и бабушкой?..

А ну представь: вот она уже мать (и даже старше нынешней своей матери), вот уже старуха, и у неё много детей, внуков, правнуков... вот она мёртвая в гробу, в окружении родных. Вот её могила с прахом внутри...

Нет! Что-то противится воображению, когда глядишь на милую щебетунью 3—4 годов. А уже в самом этом *противлении* не сокрыт ли предел, то есть крайняя степень (за которую – нельзя!) соблазна? И не в этом ли пределе кроется надежда, пусть мистическая, на некую неокончателность повального постарения и неизбежного исчезновения людей?

Нельзя представлять девочку старухой, тем более трупом. Нельзя, и всё тут! Будь ты хоть трижды «гениальным» художником с бескрайней фантазией, здесь крайний рубеж, форпост человечества, откуда исходит надежда и вера: не окончательна механика повального умирания, и всего лишь на краткий срок запущена эта махина, механика времени, носителя умирания.

А вот если разнудаться и дать волю воображению или, пуще того, «художественно» воплощать декадентские картинки, то это значит одно – предательство. Внутривидовая измена. Или, мягче – ещё одна уступка миру.

Миру, который никогда никому ничего не уступает!..

Никому не уступали, век за веком противились, и вот, дали слабину. Уступили давлению «цивилизации. И – державно, величественно на поднебесном негативе России, как на фото-плёнке, проступил – Вор. Или разбойник. Не былинный серо-косматый, нет. Голо-голубой. Хищь злопедрилая, вошь лобковая...

Ты не вор? Ты неправ! Это дело в народе

*Всё почетнее ныне. В тоске, в безысходе
Отыскать каплю света не можешь во тьме?
Стыд и совесть похерил? Не мучайся, право,
Зная Вора над Русью взошло величаво...
Не похерил? Тогда твоё место в тюрьме.
В каталажке теперь твоё место, похоже,
Это прежде ты был работягой, надёжей,
А теперь повернула иначе судьба
Чудака-мужика, не способного выжать
И по капле сцедить из себя, чтобы выжить,
Хоть какую-то совесть. Не то что раба.*

Знаменитый разбойник – герой! Кудеяр-Атаман. «Много он душ загубил...». Да каких душ, чьих? У поэта конкретно писано: «Честных христиан». Загубил, но – покаялся. Но нагрешил. Много нагрешил. Но – покаялся. Да так, наверное, покаялся, что «теплохладные», обычные люди поразились силе покаяния и запели, умилённые:

*«За Кудеяра-Разбойника
Будем мы Бога молить...»*

А вот ежели ты, как большинство насельников мира обычный рабочий, служащий, крестьянин, если просто жил-бытовал, растил сад-огород, поднимал страну, детишек, по праздникам ходил в церковь и никого не зарезал, а потом не покаялся с усиленной мощью за кровь, вероломство, разбой, то тебе приговор:

«А если ты не холоден, не горяч, изблюю тебя из уст Моих».
Слова авторитетные. Авторитетнее не найти.

Вор, душегуб, мироед, ограбивший народ, а потом на толику награбленного накормил детдом, а потом и ещё от щедрот, вдруг очнувшихся где-то, построил церковь – вот герой! И помолимся за него, и помолимся. И за труды праведные помолимся. И за труды неправедные. За того Кудеяра, за этого...

Живущих на планете менее десяти миллиардов. Ушедших в планету более сотни.

Ушли... но куда подевались, или ушли вместе с ними золотые песчинки, огненные крупы, прожигавшие души, миры? Трупов, костей полно, труп за трупом, до бесконечности. Какие такие песчинки, кто видел, куда подевались?

А такие! На земле размылись, а в неясных областях слились с другими, тоже «утраченными». И сплывались, слились – в слитки. В горних пещорах, в земляных горах. Несмотря на мечты, сказки об утраченном, безвозвратном. А уж как мечтают людишечки, как воруют! Как слова наговорные перебирают!

*«Шла щука из Новгорода,
Она хвост волокля из Белозера;
Как на щуке чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная;
Как у щуки спина жемчужом сплетена,*

*Как головка у щуки униженная,
А наместо глаз – дорогой алмаз...»*

Как мечтают, так и воруют...

Впрочем, нынче за вору-чиновника уже не молятся, кажется. А если молятся, так особые какие-то люди. «Избранные», наверно. Больно образ поганый у нынешнего. Не тот ужасный, космато-пламенный яко у Кудеяра. Мелковатый, пошленький шибко...

*Едет счастье на кривом коне,
Едет семечко
На полузерне,
Едет горюшко на прямой бороне,
Едет времечко
На хромой шестерне...*

А часы стучат на стене.

*Едет звёздочка до слепой луны,
Едет вёрстушка
До сухой сосны,
Слёзы в горстушке – солонь, солонь,
Нету воздушка —
Валуны, валуны...*

А пружины заведены!

*Ночь стоит дубом-раскорякою,
Полдень медной лягушкой крикает,
Травки тоненькие горчат,
Свет дрожит росинкою маковою...*

И стучат часы, и стучат.

Время сказок, сказов, легенд... как грустно, что в основе чуть ли не большинства лежит не чистое золото, а, попросту говоря – жажда наживы. Жирная страсть. Про огненный, золотой кирпичик, горящий в душе с рождения, редко, очень редко вспоминается. Разве что в самых волшебных, воздушных сказках, парящих поодаль, под облаком. Там, в дальней сторонке просверкнут огненными крупницами, горевшими когда-то в душе, не дававшими ей угаснуть до скончания времени. Времени земли, пребывания в пёстрой, порой страшноватой её быстротечности...

*Как страшно стучат часы!
Какие у них голоса!..
Вот это – гудят басы,*

Вот это – звенит оса.

*Ходит в сутане Бас,
Будто в мундире Нос,
Важно берет за пульс,
Щупает влажно, и вдруг
Сплюсненным коготком —
По циферблату – бац!*

*И стрелки, сдурев, бегут, колесят,
Шуршат, причитают – взазброс!..*

*И некуда мне. В упор.
Я заблужусь в тайге,
Я загляжусь во двор...
Там полыхнёт автоген.*

*Я закружусь по Москве,
В кольца её вопьюсь,
Жалами стрелки засвищут в траве...
Сызмала змей боюсь.*

*Я закружусь, как вор...
Некуда мне. В упор.
Я солнцем, как шмель, пылюсь,
Я временем полностью, длюсь,
А убежать не могу...
Пусто на том берегу,
Грустно там, я не могу,
Страшные там леса,
Странные там голоса.*

Из преданий о кладах небесных...

«Вот и пошли они, пошли два братца в рай купаться, два ведра дырявые по воду пошли, облака нашли, облака в реке отражаются, а поди, зачерпни-ка. Ужом изовьёшься, траву пусту зачерпнёшь, свет проклянёшь...»

«...и видел пастух в осеннем поле, как на губу клали змеи траву и ползли к скале в каменной горе. И прикасались разрыв-травой к скале, и она отверзалась. А там, в глубине горы Царь-Змей золотой лежит...»

«...И зашёл пастух в гору за золотом, и выйти пастух не мог, ибо гора замкнулась. И обуял его сон недолгий. И пробудили его змеи, ибо Царь-Змей сказал: „Пора!“, и пополз к выходу. И разверзлась гора, и вышел пастух на свет. А в полях весна стоит. Стоит себе, светами разливается, песнями распевается, громами-молниями освежается...».

*Вьют облака себя из синевы,
Из пустоты, из ничего
И тихо тают...
А я лежу в траве,
Я из травы
За ними наблюдаю.
...и было сказано, что от простых частей
Составился прообраз плоти мира:
От камня – кость,
Кровь – от воды морей,
А мысль – от облаков, плывущих мимо,
И что когда-нибудь, в такой же светлый день,
Всё обратится вновь к своим пределам,
И поплывёт над миром опустелым
Лишь облака торжественная тень...*

2. Сказка об Эфире

«Там, на высях сознания, — безумье и снег...»

Н.С.Гумилёв

В первой половине двадцатого века гениальный, но далеко не всеми признанный изобретатель осмелился вступить в полемику с одним из величайших учёных двадцатого века. И был, конечно, осмеян.

Отрывки из рукописи, так и не получившей широкой огласки, пройдут через эту книгу. Книга эта, можно сказать, сказка. Сказка страшного человека, чуть не взорвавшего планету. Но опомнившегося, понявшего не только свою «почти невинную» ошибку, но фундаментальные ошибки именитых коллег.

И – возблагодарившего за эту ошибку... кого? – Малопознаваемый мир? Провидение? Сообщество счастливо ограниченных коллег? Бог знает что и кого более...

Предваряя книгу, приведём часть послесловия к рукописи изобретателя, написанного его последователем. Обнародовав малоизвестные отрывки из работ этого, почти сказочного или мифологического человека, спустя многие годы после его смерти, автор предисловия и послесловия, тем не менее, предпочёл остаться анонимом. Что только сгущает ореол тайны как вокруг фигуры самого *N.*, так и вокруг его невероятных догадок, открытий и заблуждений.

Да, обозначим здесь имя изобретателя лишь заглавной буквой *N.*, придавая некоторой загадочности как всей рукописи, чем-то даже напоминающей детектив, так и тем смутным битвам с неизведанными материями мира, которым он посвятил жизнь.

Уже при жизни была развёрнута настоящая детективная история вокруг него и его работ, а также, конечно, дневниковых записей о них. Это была, можно сказать, международная война спецслужб. За рукописью охотились спецслужбы разных стран, она претерпела множество приключений, изрядно попортилась временем, сыростью и осталась лишь в отрывках. Толчком к дневниковым записям изобретателя стала его полемика с величайшим учёным, которого назовём также, следуя старинным приёмам и даже законам детектива, таинственной литерой *A.* В этой полемике изобретатель *N.* указывал на некоторые заблуждения в теориях учёного *A.*

Итак, для начала приведём несколько пояснений, которые были предварением к публикации найденных отрывков дневниковых записей изобретателя *N.*, обнаруженных, как уведомлено выше, его анонимным последователем:

«...я провёл анализ, тех мест в рукописи, которые остались для меня непонятны.

Выскажу собственное толкование. В этой малоизвестной рукописи есть такая фраза: «Свет движется прямолинейно, а эфир по кругу, поэтому возникают скачки...».

Видимо, этой фразой г-н N. пытается объяснить почему свет движется скачками. В современной физике это явление называется квантовым скачком.

Далее в рукописи приводится объяснение, но оно немного размыто. Поэтому из отдельных сохранившихся слов и предложений я приведу свою реконструкцию.

Для того, чтобы лучше понять почему свет движется скачками, представим себе лодку, которая кружится в огромном водовороте. Установим на эту лодку генератор волн. Так как скорость движения внешних и внутренних областей водоворота различна, то волны от генератора, пересекая эти области, будут двигаться скачками. То же самое происходит и со светом, когда он пересекает эфирный смерч.

В рукописи есть очень интересное описание принципа получения энергии из эфира. Но оно также сильно пострадало от воды. Поэтому приведу свою реконструкцию текста, выведенную из отдельных слов и фраз неизвестной рукописи.

Получение энергии из эфира основано на том, что между эфиром и веществом материального мира существует огромный перепад давления. Эфир, пытаясь вернуться в первоначальное состояние, сжимает материальный мир со всех сторон, а электрические силы, вещества материального мира препятствуют сжатию.

Это можно сравнить с пузырьками воздуха в воде. Чтобы понять, как получить энергию из эфира, представим себе огромный пузырь воздуха, который плавает в воде. Этот воздушный пузырь очень стабилен, так как со всех сторон сдавливается водой. Как же извлечь энергию из этого воздушного пузыря? Для этого надо нарушить его стабильность. Это можно сделать водяным смерчем или если в стенку этого воздушного пузыря ударит водяное вихревое кольцо.

Если при помощи эфирного вихревого объекта мы то же самое сделаем в эфире, то получим огромный выброс энергии. В качестве доказательства приведу пример: когда шаровая молния соприкасается с каким-нибудь предметом, то происходит огромное выделение энергии, а иногда и взрыв...»

**«Вы ошибаетесь, мистер А., эфир существует!»
(Отрывок из статьи N.)**

«...сейчас много говорят о теории. А. Этот молодой человек доказывает, что никакого эфира нет, и многие с ним соглашаются. Но, по-моему, это ошибка. Противники эфира в качестве доказательства ссылаются на эксперименты Майкельсона-Морли, показавшие, что движение Земли не влияет на скорость распространения света. Попытки обнаружить движение Земли относительно неподвижного эфира закончились неудачей, но это еще не означает, что эфира нет.

Я в своих работах всегда опирался на существование механического эфира и поэтому добился определенных успехов.

Чем плотнее вещество, тем выше скорость распространения в нём волн. Сравнивая скорость звука в воздухе со скоростью света, я пришел к выводу, что плотность эфира в несколько тысяч раз больше плотности воздуха.

Но эфир электрически нейтрален и поэтому очень слабо взаимодействует с нашим материальным миром, к тому же плотность вещества материального мира ничтожна по сравнению с плотностью эфира. Это не эфир бесплотен — это наш материальный мир является бесплотным для эфира...»

N.

Человек, «эфирное» создание...

Какое, на фиг, эфирное? Ещё какое brutальное! Вообще-то, если есть Эфир, должны же быть и его герои? Не записные, царящие в телеэфире, а другие. Настоящие, телесные, даже супертелесные. Есть Земля, есть земные герои.

Есть эфир, значит должны быть и его герои. Обязаны! Может быть, это некие странные человечки? Неотсудные...

Нет, пожалуй. Принципиально другие формы не укладываются в сознание. Есть только белковые соединения, и точка. Причём, непременно человекообразные. Двурукые. Двунogie. Одноглавые.

Вот и опять выступает здесь главным, как в любом земном споре, как в любой банальной дискуссии его величество антропоцентризм. Высший перл, апофеоз махрово распустившегося высокомерия!

А может быть, если эти герои не телесные, то – сверхтелесные?..

*Он блистал, герой Эфира!
Даже в помраченьях мира
Он светился, весь в огне,
Весь от мира в стороне,
Чуть покашливал порой,
А порой – гора горой,
Как серебряным ремнём,
Опоясанный огнём.*

*В том огне, как на ремне,
В сумке, словно в колчане,
Золотились письма,
Проступали имена,
И ворчал, и кашлял он,
Будто старый почтальон
У заспавшихся дверей,
Отворяйте, мол, скорей...*

*И в земле, воде, огне,
В воздухе, и где-то вне
По ночам сверкал он...
Днём
Громом говорил ко мне.*

*Он вращал Эфиром, он
На коне скакал, вдогон
Битве блестящей,
С копьём,
С громыханьем, как гроза,
С булавами, как с репьем,
С молнией во все глаза,
С бородой, как облака,
Вьющейся через века...*

«...произведя расчеты, какую энергию можно извлечь из эфира, я удивился. Из расчета следовало, что энергия, извлеченная из этой системы, достаточна, чтобы полностью разрушить большой город.

Тогда я впервые понял, что моя система может быть опасна для человечества. Но все же очень хотел провести свои опыты. В тайне от других я начал тщательную подготовку своего безумного эксперимента...»

N.

Словно комета, рассеивающая искры безумия, нечто приближается к земле, и всё явственнее ощущается колючая тревога – во всём. Словно очнулась древняя злоба стихий, и все вокруг начинают ощущать судорожные потрескивания, вспышки мощных силовых полей, волн информации, ползущей и пронзающей отовсюду.

Пока это, кажется, лишь начало чего-то, не вполне ясного. Но уже реально ощутима попытка современного мира как-то акклиматизироваться, освоиться в пространствах «новой реальности», нагрывшей неизвестно как и откуда. Новая реальность в пространствах «Новой Битвы»? А что это такое, новая реальность? Непростая, видимо, штука.

Может быть, радужная как в пионерлагере, арка под названием «Вход»? Или «Добро пожаловать»? Гораздо более, чем в прежние времена, становится ощутимой попытка вхождения в информационный океан, в Цифру, теснящую Слово.

Как, должно быть, в незнакомый пролив, сверкающий электровспышками, переливающийся неонем, чем-то вообще доселе невиданным вплывал бы старинный парусник, так человечество изумлённо вступает во всё расширяющийся виртуал.

Ещё не вполне чувствуется его объём, а мировая паутина меж тем опутывает, забирает в сеть. И – рассекречивает тайные знания, скрытые в неведомых энергетических недрах, выворачивает мозги наизнанку. Таянье тайны...

«Работая с эфирными вихревыми объектами, я понял, что они ведут себя не совсем так, как думал раньше. Выяснилось, что при прохождении вихревых объектов вблизи металлических предметов они теряли энергию и разрушались, иногда со взрывом. Глубокие слои Земли поглощали их энергию также сильно, как и металл. Поэтому я мог передавать энергию только на небольшие расстояния.

Тогда я обратил внимание на Луну. Если послать эфирные вихревые объекты к Луне, то они, отразившись от её электростатического поля, вернутся обратно к Земле, на значительном удалении от передатчика. Так как угол падения равен углу отражения, то энергию можно будет передавать на очень большие расстояния, даже на другую сторону Земли.

Я провёл несколько экспериментов, передавая энергию в сторону Луны. Выяснилось, что Земля окружена электрическим полем. Это поле разрушало слабые вихревые объекты. Эфирные вихревые объекты, обладавшие большой энергией, прорывались через электрическое поле Земли и уходили в межпланетное пространство...»

N.

Ещё не время, но уже пространство яростно рассекречивается. Становится прозрачным, как тающий человек. В микромире, макромире, телескопе, радаре. Всюду.

Таянье тайны...

Уже просматривают со спутников персональные компьютеры. Снимают с чужих счетов деньги не отходя от монитора. Крадут золотые запасы, даже не прикасаясь к ним. Отсасывают их легко и сказочно, как мультяшные чудища: вытянут губы трубой, раздуют ветер, и – сокровища летят к ним, летят, кружась золотыми осенними листьями. Сверхсекретная информация становится общедоступной, а там...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.